

УДК 003:114:572:910.1

В.Н. Бочарников
ТИГ ДВО РАН, Владивосток, Россия

АНТРОПОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АРГУМЕНТЫ ЭТНИЧЕСКОГО КОДА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Культура возникла и развивалась как главный общественный инструментальный взаимодействия человека с природой. Столь же очевидно, что культура способствует передаче от поколения к поколению определенных ценностей и избранных убеждений. Но культура человека еще формирует наглядно облик ландшафта, и все сохранившееся человеческое наследие представлено его избранными объектами, воплощенными и принадлежащими обязательно частью своей ландшафту. Разнообразие результатов человеческой деятельности формирует культурные основы существования и эволюции социума, что стало основанием поиска географических детерминант антропогеографией. В статье обосновывается антропологическая гипотеза существования этнического кода человечества. Представлены философско-антропологические и этнокультурные аспекты обозначенной проблемы. Рассматриваются выборочно философские категории, научные аргументы и спекулятивные мнения, свидетельствующие о том, что в последние века оказалось критически нарушенной «космическая» функция человечества, изначально предусматривающая уникальную «операторскую» роль человека в формировании пространственно-временного континуума. Аргументируется, что современная цивилизационная смена ориентиров развития человеческого общества, все менее связываемая с намерением гармоничного взаимодействия человека с природой, является принципиальной причиной появления и усложнения глобальных проблем человечества.

Ключевые слова: природа, человек, этнический код, ландшафт, глобализация, культура.

Социальная жизнь ныне предстает как множество общественных и частных коммуникаций, «включенного» проживания среди вещей с приписанными и присвоенными им смыслами, определенными ценностями, опосредованными деятельностью и языком, поскольку исторически, социум возник и существует поныне как мир приспособления, как способ улучшения выживания человечества как вида, с сохранением телесности и биологичности отдельного человека, осознающего себя таковым с различной степенью ясности пребывания в географической реальности. Глобализация – это относительно новый процесс создания и стремления управлять единым цивилизационным пространством в пределах планеты Земля. Глобальное мышление и глобальные действия требуют планетарного понимания, поскольку наш мир больше не просто предстоит, а полностью включен в новый виток человеческого освоения земной поверхности.

С. Хмелевская и Н. Яблокова рассматривают постижение человеком бытия как «культурно-историческое получение знания, в котором различные

типы сознания и знания (обыденное, мифологическое, религиозное, эстетическое, научное, философское) предстают как формы единой, органически развивающейся духовной культуры» [2, С. 74]. Разум и мышление – один из главных общественных фокусов постиндустриальной цивилизации, в поле которого сформирована рационалистическая матрица познания и научный метод. Концепция постижения как способ преобразования себя основывается на существовании двух реальностей – предметно-объектной и необъективируемой, включающей зачастую невозможный к осмыслению опыт бессознательного в его переживании, постижении, чувствовании [1, С. 30].

Философские и общенаучные категории «природа», «человек», «культура», «общество», как и семантика комбинаций их многообразного использования, составляют огромный информационный пласт, детально рассматривать который достаточно глубоко не представляет возможности без конкретизации и постановки конкретной научной задачи [3]. Все более очевидным становится утверждение, что условием появления и жизни как каждого человека, принадлежащего к роду, этносу, нации, народу, и изначально интегрируемого в социум, является наличие невидимого, но фундаментально воздействующего основания. Понимание же предстает одним из главных психологических механизмов «дления» социума как объединения человечества. В своей первой работе, опубликованной в данном издании я писал о том, что на фоне изменившихся представлений о возможностях человеческого познания и смешения самих понятий реального и виртуального в современной жизни появилась необходимость нового обращения к философско-антропологическим или «космическим» причинам появления и достаточно длительного по социальным меркам общего периода существования человечества [4].

Это значит, что каждый из нас исполняет «космическую задачу», через свою индивидуальную и коллективную вовлеченность, что собственно и отражается в космологии, культуре, множестве фрагментов конкретных человеческих представлений. Персональную функцию каждого из людей можно обозначить как Управитель и Хранитель природы Земли, Матери нашей! Это наш и коллективный долг, отражаемый во множестве социальных аспектов, это и общественная миссия, персонализированная в каждом, которая осуществляется за счет энергии жизни, эмоций, процессов деятельности каждого из нас. Фундаментальные основания этой направленности скрыты в бессознательном, в тех «секторах» его, существенно далеких от известных и подтвержденных психоаналитическими

концепциями. Философия не рассматривает «включенность» человека в Космос, иначе чем обращением к уже известным трудам метафизики и онтологии. Научный же подход позволяет выделить лишь: биологического, культурного, социального, экономического... и иного человека, и при этом мы легко можем быть убеждены, что любое даже самое глубокое научное исследование, предстает лишь одним из многих возможных, и далеко не полностью возможных к исследованию сегментов целого.

Отметим, что философия в целом, и философская антропология, в частности, в современных условиях проживает новый виток поиска своего предназначения, и находится в рефлексивных процессах. Полагаю, что хорошим основанием для начала представляемой здесь научно-аналитической работы могут стать вопросы и предложения, изложенные в статье С.С. Аванесова «Антропология сегодня: коррекция базовых ориентиров» в третьем номере за 2017 год в журнале «Человек». Авторский интересный взгляд обращает внимание на то, что: «... пока человек остается проблемой, он сохраняет свободу». И он убеждает, что если существует вызов нашего времени к человеку, то таковой: «... заключается не в технологических инновациях, а в *программной* деградации человеческого сознания, в его критическом приближении к уровню сознания животного – к сознанию вне морали и вне достоинства, вне ответственности (вменяемости) и, следовательно, вне свободы» [5]. «Немерная» совокупность культуры образует таким образом концептуальное поле или континуум, в котором каждая интерпретация по сути своей уникальна.

Но представляется вполне очевидным, что метафизика самой сущности человека была отвергнута современной наукой как неспособная обеспечить аргументацией в пользу особого бытия человека в сравнении с бытием чего бы то ни было. Антропологическая проблематика есть, в конечном счете, основа и суть *любой* проблематики...». Можно убежденно присоединиться к максиме: «... если антропология понимается как *первая философия*, она способна стать основой *любого* дискурса, а не только гуманитарного». Антропология – биологическая наука, но в системе научного знания таковая позиционируется как уникальный инструмент познания глубинной сущности человека, и достижения с ее помощью такого понимания, которое передает верное представление о способах и результатах конструирования людьми социокультурной реальности. Социальная реальность «информационного» или постиндустриального общества, детерминанты общества потребления или иных ценностных каркасных социальных схем человечества, не позволяют уже ныне и соприкоснуться с

тайной, представленной в человеке полной структурой этнического кода, «автоматом встраиваемого» для нашей жизни на Земле.

Предметная направленность дисциплин текущего научного мейнстрима антропологии до сих пор оказывается более предпочтительной, чем многие попытки длить хорошо известные, а не разово осуществлять междисциплинарные и трансдисциплинарные проекты. Здесь, безусловно, прав С.С.Аванесов, что «аналитический «разбор» на все большее количество деталей не усложняет, а упрощает представление...» о человеке, о причинности, взаимосвязях и сопряжениях как человеку индивидуальному, так и к социуму. Эта позиция, с которой легко согласиться с автором состоит в том, что действительно «... человек *сегодня* «стал проблемой»: он всегда и всюду, в любой сфере деятельности и мышления – *первая* проблема самого человека, из которой следуют все частные проблемы. Для человека *нормально* быть проблемой [5, С. 6]. Но человек, как и любое человеческое сообщество, живет в природной среде, и если хорошо известно о том, что природные катаклизмы, порожденные космическими причинами, неоднократно вызывали кризисы, приводящие к массовому вымиранию животных и растений, то следует допустить, что менее масштабные перемены, но очень значительные для живого и влияющего на разум, вызывали кардинальные перемены в судьбах человеческих цивилизаций, прежде всего по причине тех способностей управления пространством.

Индивидуальное своеобразие человека дано ему, «прописано», и реализуется не без его собственных усилий и заслуг, но как развитие имеющихся «задатков». Понимание человека как культурного существа, а природы как культурного по своему определению феномена, можно найти в концепте «ландшафт» с его многообразием отображений. Любой ландшафт обладает целостной территориальной приуроченностью, но для восприятия его феномена человек должен понимать свое бытие, интерпретируя знаки, значения, образы и тексты¹, которыми дает о себе нам знать окружающий мир. Человек, как и ландшафт, никогда не есть, он должен состояться, но в отличие от природы в человеке и человеческом ценность «*организует*» человеческий поступок. Следовательно, для обоснования антропологии как «речи о человеке в его *человеческой*, ни к чему не редуцируемой специфике требуется сменить сам первичный ход мысли: не от абстрактно-метафизического бытия, в котором никогда не удастся найти место человеку

---

¹ Перечисленное следует понимать, как последовательность, связность, совокупность любых элементарных значений, фиксируемых нашими органами чувств, имеющими собственный индивидуальный, отличный от элементарных значений смысл [5].

как таковому... а, от самого человека как единственного условия конкретного (а не абстрактного) бытия сущего в целом» [5, С. 10].

М.Ю. Келигов ведет речь о необходимости учета «природомерности человека» и рассматривает данное обстоятельство не как недооценку его социально-культурного измерения, а «как важное условие для получения объемного и более реалистического видения его жизнедеятельности в действительном мире» [6, С. 104]. Он проводит мысль о «вписанности» человека в биосферу Земли. Человек представляет собой такое специфическое существо, которое «осуществляется» в координатах нормативности, постольку «человеческая» антропология также имеет нормативный характер. Реальность производна от способности человека упорядочивать, обобщать и систематизировать, как и от способности «трансцендировать тотальность» [5, С.13]. Тогда бытие предстает в таком ракурсе, где человек та его часть, сознающая сущее во всей целостности, способное оперировать пространством, только тогда ведь наличный мир предстанет бытием, изменяющимся под действиями субъекта.

Современная цивилизация на данном этапе отличается феноменом «свертывания» пространства и эффектом «схлопывания» времени, трансформацией и значительным «переводом» социального вектора взаимодействия в виртуальный мир. Человек должен быть «внутри» места, как бы погруженным в него, с тем, чтобы иметь возможность наделять его смыслом, а порядок и хаос – две принципиально-поляризованные модели реальности, являющиеся наиболее «рабочими» в восприятии человека. И выведенный «за скобки сущего» человек со всеми его специфическими человеческими свойствами предстает вновь в тотальности глобализационного процесса подчиненным элементом фантастического человеческого сущего. Возможно, смысл найдется в том, что происходит сейчас в проекции нашей планеты, если мы предположим, что прежние договоренности человечества с Космосом больше не соблюдаются в глобаризирующемся обществе, меняется вся базовая структура пребывания, как следствие, пересматривается и смысл существования человека как индивида, личностно реализуемого во множестве инвариант, и человечества в целом, как видовой биологической общности, обитающей на планете.

Все то, что произошло в последние полтора века, те последствия, которые сейчас оказываются уже заметными на глобальном уровне проявлений, сформировались не сегодня, и основная причина здесь не в том, что происходят неконтролируемые демографические процессы, более сотни лет развивалась индустриальная экономика, все больше требуется ресурсов,

и не то, что кардинально изменились прежние условия жизни, когда у каждого этноса была СВОЯ территория, которую конкретное сообщество осваивало и берегло для многих поколений своего этноса. Этнос хранил, защищал от других, устраивал часть среды для себя, но и сохранял в целом природу в самом прямом смысле естественности ее функционирования. В то время как география, как наука, устанавливает «сложнейшие механизмы пространственной коммуникации и корреляции между естественной и очеловеченной природой», любой объект гуманитарного характера есть смысловая реальность, которая развертывается при контактах с фрагментом бытия как конструктивная оценка и переоценка сопричастных с ней личностных ценностей и смыслов [7, С. 92].

В географии, как одной из древних форм познания всегда много обращалось внимания на специфику взаимодействия человеческих сообществ и природы. В границах последнего значения скрыт глубинный психокультурный механизм *идентификации*, благодаря которому, индивид обретает свою человеческую сущность — она возникает в процессе самотворения «по образу и подобию». На материальном уровне мы пока осознаем, что имеем те самые глобальные экологические проблемы, причинность и последствия которых уже достаточно хорошо изучены наукой, оценены и нормированы, в какой-то степени принимаются и исполняются меры, хотя внимательное и заинтересованное знакомство с тем, что делается и какие в результате получаются результаты, показывают то, что попытки сохранения — дикой природы или одной из ее функций — биологического разнообразия или мероприятия по снижению загрязнения воздуха, воды, почвы, сохранения лесов или пресной воды, оказываются в большинстве своем неуспешны. Предельно ясно изложено, что живой организм является «упорядочивающим центром» по отношению к окружающей среде в непрерывном круговороте химических элементов, энергии и информации, что обеспечивает взаимосвязь земного и космического пространства и времени.

Мы создаем проблемы и постоянно их решаем, и ни философский взгляд на жизнь, ни рациональность научных воззрений, ни мистический опыт, и не религиозный взгляд не обеспечивает нас безмятежностью и расслабленностью существования. Для помощи в этом складывались веками традиции, верования, формировалась особая для каждого этноса (но имеющая некие общие черты и с другими) культура жизнедеятельности. В основе — очень жесткий и понятный закон существования жизни — растратил силы и энергию не на те задачи, на которые была предназначена энергия и

силы, забыты традиции и обычаи, потеряна миссия – этот этнос обязательно исчезнет. Традиционная практика осуществления жизнедеятельности, в т.ч. охота, рыболовство, собирательство – это было и остается то фундаментальное, что наглядным образом характеризует человечество как способное к гармонии и сотворчеству с природой. Именно в этой связи появилась и получила мощное развитие в XX в. экология, утилизирующая в предельно узком современном смысле ее понимание как науки о проблемах взаимоотношениях в «человеческом доме».

Земледелие, скотоводство, существование редкой сети городов на протяжении тысячелетий не меняло общий принцип оперирования пространством, что начало меняться в прошлом тысячелетии. Развитие – это переход потенциального в актуальное, что обеспечивается лишь семантическим значимо-насыщенным понятийным треугольником «природа – этнос – культура». Такое развитие подразумевает, что развиваться может только то, что уже есть, и именно поэтому в сущем записана, «прошита» специфика каждой индивидуальности. Пространство-время в натуралистической модели кодируется определяющим взаимодействием человека с природой, выраженным во множестве мифов, обычаев и традиций. Статус «настоящее», «прошлое» или «будущее» предстает как относительный, и характеризуемый тем, что каждый раз событие конгруэнтно «геометризируются» пространством, и познании этого в редуцированном виде передается главной проекцией географии – территорией. Таким образом, основной проблемой ныне выступает «реверс» обязательной направленности человека на поддержание природного порядка при формальном сохранении биологического условия (телесность), того функционала, что «изначально» связывает человека с биосферой множеством взаимосвязей и условий человеком.

Наша жизнедеятельность и ныне удерживает, по мнению В.И. Вернадского геохимию всей планеты, и как следствие жизнь, но при этом важным остается – как решать все более острые вопросы экологической безопасности, потери разнообразия и ресурсов биоты, геохимического загрязнения и фундаментальной трансформации уже самых крупных экосистем планеты, включая Мировой океан. Биологические теории многократно были использованы в трактовке и объяснении социальных и индивидуальных человеческих свойств и процессов, определяющих взаимоотношения человека и природы, достаточно привести фундаментальный пример многих и весьма дорогостоящих исследований генотипа, генома, генетического кода человека. Но несмотря на бурное

развитие биологических наук, включающих лишь частично прежнюю экологию, из-за крайней сложности собрать целостную картину, а главным образом, по причине трудности объяснения сути космического предназначения человека, физики и антропологи, биологи и географы, философы и культурологи предпочитали «показывать» и обсуждать те свои идеи, которые «укладывались» лишь новыми кирпичиками к уже известным представлениям и знаниям.

Рассматривая предельные основания для обоснования и изложения сущности этнического кода человечества, возникает принципиальная задача – понять, и по возможности, достаточно точно отметить тот понятийный стержень, что такое человек? И насколько изменился современный человек как это предстает очевидным сейчас во многих частных аспектах? Человек приходит на планету Земля, и устроен так, что не может быть свободным от проблем. Но столь же очевидно, человек, как энергетическая структура является не только частью космоса, но и несёт его (космос) в себе, в своём внутреннем мире. Наша Ойкумена – освоенная человеком и экологически трансформированная территория с основным населением планеты живет не по одним социальным или биологическим законам, есть и иные законы, те которые прописаны значительно глубже, чем наша генетика, но мы и не подозреваем о них) и неживых объектов, которые воздействуют или испытывают воздействие биоты, составляющих оболочку планеты, и являющийся геохимическим фактором планетарного масштаба [9]. Очевидно, что человеку нужно менять свое отношение к природе, ведь можно с уверенностью сказать, что культура не являлась лишь набором внешних институтов, правил, регламентаций, напротив, в культуру вводилось то, что нужно было от человека для сохранения «пространства природы». А что предопределяет в самой глубине, в нашей бессознательной сути наше отношение к природе?

География – это пространство, и таковое, как считает Гегель, находится в неразрывной причинно-следственной взаимосвязи со временем, движением и материей. Вмещающий ландшафт – одно из фундаментальных понятий в системе социоестественной истории, изучающей взаимодействие природы и общества методом анализа конкретных этнических образований (этнос, суперэтнос, субэтнос), которые возникают и развиваются на отдельных территориях и в определенных исторических отрезках времени. Обычно современным сообществом признается более охотно иной тезис: негативные изменения в природе – признаки деградации биосферы под давлением созданной искусственной среды. Важно и то главное, что наша

Ойкумена – освоенная человеком и экологически трансформированная территория с основным населением планеты ныне живет по одним законам, и хорошо известно, что ныне они не идеальны. Но данный процесс является неостановимым, и даже незамедляемым, по причине доминантной роли приоритетов экономического развития в большинстве регионов мира. Суть ее еще в том, что каждый из нас, – людей органично включен, органично входит в тот или иной (этнос), народ, нацию, социум и иные общественные объединения, но любая их таких принадлежностей вторична перед уникальной функцией человечества – оперирования пространственно-временным континуумом.

Президент Международного Географического Союза Анна Баттимер в преддверии третьего тысячелетия, на Международном географическом конгрессе в Сеуле (2000 г.) писала о многих глобальных вызовах, что встретило человечество. Она отмечала, что «результатом деятельности географов мира должен стать рост уверенности самих географов в ценности вклада географической науки в разрешение центральной проблемы человечества – жить в экологически устойчивых условиях среды в следующем веке. Наш основной смысл существования – *raison d'être*, переводимый как «преданность интеллектуальному труду на благо знаний о человечестве и о Земле» [8]. И в то же время следует помнить, что само возникновение социума, как и социальное (общественное) развитие человечества объясняется тем, что каждый народ имеет космологическую функцию поддержания баланса планеты, а формы этого меняются в соответствии с каждой эпохой.

«У человека, – писал французский эколог Жан Дорст, достаточно объективных причин, чтобы стремиться к сохранению дикой природы. Но в конечном счете природу может спасти только его любовь. Природа будет ограждена от опасности только в том случае, если человек хоть немного полюбит просто потому, что она прекрасна, и потому, что он не может жить без красоты, какова она ни была та форма, к которой он по своей культуре и интеллектуальному складу наиболее восприимчив. Ибо и это – неотъемлемая часть человеческой души», и добавим здесь – единственное средство создать себе равновесие, спастись как человечеству. Общественное всегда является знанием, опытом и сутью множественного, взаимопереходным от части к целому, где не может быть полностью отделимо рациональное от эмоционального, свободное от обязательного и необходимого. Пока же вполне очевидно, что нарушение человечеством законов Космоса завело его

в тупик так, что процесс глобальных экологических перемен во всей полноте грозит разрушением планеты.

Но посредством углубленного понимания каких научных понятий может быть адекватно выражена и интерпретирована суть развития нынешней цивилизационной формы человечества? Обратимся к основному инструментарию человечества – культурогенезу. Культура – это совокупность «трансляторов», которые постоянно переводят наши субъективные психические состояния в нечто общечеловеческое, сверхчеловеческое и тем самым «очищают», «исправляют» несовершенную природу человека. Идея этнического кода (этнокода) состоит в том, что каждый народ (этнос), понимаемый как единая целостная общность людей, объединенная общим происхождением, историческими, культурными, социальными, этическими и иными ценностями и выражающий их в своей коллективной идентификации имеет также свою базовую кодировку предельно прагматичной миссии пребывания на планете Земля. Важнейшим признаком присутствия этнического кода становится осознание, что если все природное имманентно, то человек «как он есть», не помещается в рамки природного, и способен так или иначе относиться к природе.

Принципы кодирования, дешифровка содержимого и разработка новых кодов широко используются в математике, естествознании (генетике и молекулярной биологии), лингвистике, визуальной антропологии и семиотике, в когнитивных науках, культурологии, психологии, а также для решения широкого спектра прикладных задач информатики, компьютерных наук, в военном деле, архитектуре, эргономике и пр. И напротив, ответственность человека перед другими задает позитивный контекст формирования межчеловеческих связей. Два последних века его изменили, наш мир оказался в «точке» бифуркации, новые «договоренности» с Космосом человечеством не достигнуты. Можно найти множество подтверждений этому, изучая историю и культуру народов, рассматривая трагедию войн и причинность завоеваний. Индивиды в проекции атомизации социума не способны на свободное согласование своей деятельности и поддаются управлению лишь извне. Коммуникация человека указывает на разрыв в сущем, обосновывает ответственность человека перед другими и перед миром всех других, первичной тотальностью самотождественности здесь выступает природа. Именно эти составляющие предопределяют каждый раз особую трансляцию идей в каждой из научных идеализаций, а их сущностная характеристика и сопоставление положений позволяет понять и

выразить смысл современной кодировки человека, и человечества как социальной общности, не переставшей быть этносом.

Этот мир не всегда был под влиянием человека, но с тех пор как с периода верхнего палеолита, а может быть и ранее, не только «тонкая» (ноосферная) структура планеты меняется, трансформируется и поддерживается человечеством, но и все геоболочки Земли, как показал В.И. Вернадский все заметнее формируются человечеством. Мы забыли и не хотим думать, что история многократно показывала то, что Этнос не вечен. Это и не плохо, и не хорошо: такая ситуация фактически существует. Но прежде сливающие нас в единство задачи успешного и целевого проживания в гармонии с нашей средой, что и составляло жизненно необходимые для народа функции – проживания, поддержания и заботы о конкретной территории, разрушается процессами глобализации и всемирной интеграции. В природе такое обновление идет постоянно, что очень заметно для живого, но и в косном субстрате (рельеф, вода и др.) происходит «стирание» и «записывание» новой информации. По прежним «космическим лекалам» жизнь человечества длилась сотни веков, и возможно тысячелетий, вплоть до первой трети XIX в., когда с одной стороны, начал происходить лавинообразный рост численности людей, развивались активные процессы глобализации экономики, коммуникаций, технического вмешательства в структуру планеты и даже за ее пределами как это сейчас происходит.

Мы не располагаем в своем опыте ничем таким, что могли бы назвать «до-человеческим», таким примером может стать понятие «дикая природа», где происходит наше редуцирование к собственным актам восприятия и опытам переживания, нашего подлинного контакта с «естественным». Но вот то, что происходит на протяжении последних веков как раз и знаменует сам по себе тот новый этап, когда происходит аннулирование прежних «космических» договоренностей. География мест изменялась, и на месте не справившихся цивилизаций сейчас великие пустыни или океан. Этнос стареет и дряхлеет и уступает место (территорию) другому, но при увеличении общей численности на планете мы теряем и прежнюю тесноту генетического (кровного) родства. Идеи просвещения и гуманизма сменили акцент смысла жизни человечества, сформировали противоположный вектор – приоритеты заботы человечества о самом себе, но не об окружающей природной среде. Убедительно же можно сказать о том, что прежний же космологический смысл позиционирования человека к природе составляло то, что человеку дается изначально персональная возможность управления (оперирования) пространством и временем, и эти

способности, которые имеет из всех живых существ только человек, даются с условием того, что этнос (коллективно) отвечает за конкретный участок земного пространства. И если удастся найти способ составить матрицу этого взаимопроникновения человека в природу и наоборот, можно прийти к возможности расшифровки той сути, что записывается в каждом из нас изначально, существует, и сосуществует с многими персональными чертами у индивидуума, и является общим для этноса.

Попытаемся в далеком прошлом найти истоки развития культурного. В этой связи представляет интерес статья Е.Г. Тетушкина, в которой объединена информация о генетике, личностной идентификации и генеалогии [10]. Геном человека разделен приблизительно «за пятьдесят» тысяч блоков (гаплотипов), то вплоть до седьмого поколения мы способны получать генетические элементы от любого предка, но фактически вероятность более дальних чем третье поколение (дедов) снижается, и как следствие, от большинства предков нам ничего не передается в наследство. Но не менее важно, что у нас у всех – принадлежность к единому виду, мы все друг другу родственники, общие предки от одной матери и отца («Митохондральные Адам и Ева»), от которых получено мДНК – от 100 до 300 тысяч лет назад. К сожалению, ныне принятая практика обращения к индивидуальности понимается как обращение к способностям, но при этом не акцентируется внимание на человеческих задачах вообще, как и на персональном задании, миссии. Но наши родословные, даже для самых известных родов отражают очень небольшую часть нашей реальной генеалогии, которая, впрочем, известна нашему бессознательному. Нас отделяет от общих предков четыре или шесть тысяч лет, или «начальные точки» (точка одинаковых предков) нынешней популяции людей соотносится по различным наборам для моделирования от 2158 г. до н.э. до 5353 года до н.э. (он приводит расчеты, если приблизительно шесть веков назад или в 20-м поколении моделирование показало наличие 616 315 тысяч предков, то в 29-м поколении или в начале прошлого тысячелетия число предков у каждого из нас достигало 5 176 006, но дальше уже не росло, а начинало снижаться).

Со-общие, сливающиеся эти наши многосложные и многофункциональные задачи составляют жизненно необходимую для этноса функцию, с потерей которой прекращается «нужность» и в существовании самого такого народа. К настоящему времени в наиболее «проявленной» сути, регулятивы и составляющие вышеупомянутых человеческих представлений сохранились лишь в культурах снисходительно

называемых прошлым обществом «примитивных» народов. Для нас представителей метаэтноса уже трудно даже воспринимать родовые и племенные идеи, становится все более затрудненным непосредственное оперирование пространством и временем, мы опосредуем все, что у нас есть и получаем, все, что нам нужно, прибегая к помощи техники, общественным сервисам и услугам. Следовательно, при всей индивидуальности и свободе выражения каждого из нас, мы объединены в общее, и если признавать, что каждый имеет персональную миссию, и это то главное, зачем мы «приходим» на Землю, помимо этой задачи у нас есть общая со своим сообществом коллективная этническая задача! Но пока генетикам и молекулярным биологам не удастся найти всех возможных элементарных информационных носителей, а современное развитие когнитивных наук, ориентированных на изучение мозга и сознание, в т.ч. и создание виртуальной реальности, пока еще не нашли способы идентифицировать ни единицы передачи такой информации, ни пути этого.

Физики и психологи могут это объяснять тем, что среди представителей этноса накапливается постепенно большая масса системных ошибок, этнос стареет и дряхлеет и уступает место (территорию) другому. Здесь важен тезис о первичности того, что было «вложено» в человека, если инстинкты и рефлексы не уникальны для высших животных, то ритуалы и традиции были следствием коллективного установления правил и норм поддержания окружающего пространства, которое со временем было инверсировано в социальную жизнь. А что способна показать философия, и что доказывает в человеке научная антропология? Как обстоит ситуация познания «антропологического человека», и способно ли человечество вообще узнать ответы на поставленные таким образом вопросы? Индивидуальность как таковая есть, а личность же сбывается, когда человек организует и развивает себя [6, С. 20]. В работе Андрея Пелипенко по реконструкции эволюционного контекста культуры объясняется, что культурные формы являются необходимостью, но не как нечто «...фатально предопределенное априорным и полумистическим в своей трансцендентности принципом прогрессивного развития» [11, С. 23]. И именно данная позиция на наш взгляд хорошо коррелирует с гипотезой этнического кода, что дает возможность вновь обратиться к авторскому видению «началов культуры» – мифоритуальной системе.

Знаково то, что, по его мнению, именно в эпоху верхнего палеолита – «культура подхватывает у «биологии» эстафету вертикального эволюционирования». Примаат обязанностей в сравнении с правами есть

условие успешности самоотдачи, ответственности служению, развитию (но не прогрессу). Отмечается, что в изолятах – изолированных от остального мира группах людей все люди оказываются родственниками, но эпидемии и масштабные войны приводили к массовой потере многих «родословных». Тем не менее, существуют данные моделирования, в котором показывается, что общие предки всего человечества жили в исторические времена, а не в каком-то невообразимо отдаленном прошлом. Это означает, что необходимо обратиться к нашему прошлому – через культуру и будущее, ориентируясь на существующие тенденции, и привлекая надежные методы предсказания будущего. Вполне очевидно, что подмеченная автором ситуация относится практически к изначальным ситуациям, к которым следует обращаться за прояснением сущности и смысла идеи этнического кода человечества. Следующим шагом станет поиск периода бифуркации, некой точки в которой возможно архетип мирового дерева будет в какой-то степени уже начинать затмеваться сетевой структурой, столь характерной для настоящего периода.

А. Пелипенко пишет: «... картина верхнепалеолитической культуры являет своеобразную панораму почти беспорядочного разнообразия: любые попытки выявить некоторые *конкретно-всеобщие* доминанты, тенденции, традиции, формы социального и религиозного опыта и т.п. наталкиваются на сопротивление фактического материала. Почти любое правило здесь неизменно опровергается множеством исключений и поглощается ими» [11, С. 23-24]. Множество культур этого периода находятся в «свернутом» состоянии и в равновесии, невозможно выделить доминанту, и по сути своей это ситуация, когда доминанта управления и оперирования пространством была делегирована каждому человеку, его объединениям, но еще «докультурного» и «доэтнического» состава. Этим же объясняется и тогдашняя малочисленность и взаимоизолированность тогдашних существующих верхнепалеолитических общин, каждая из которых обладала своим особым языком и непроницаемой для соседей мифологией. Впрочем, оказывается возможным обращение к символу, знаку, слову и мышлению как к вполне понятным отдельностям от других форм живой природы, и как основаниям для внутривидовой дифференциации. Именно в этой области приобретает экзистенциальный подход, стремящийся осмыслить исследуемые феномены как элементы человеческого бытия.

Известный антрополог Клод Леви-Строс заключает, что основное предназначение мышления человека состоит в непрерывных попытках классификации (структурирования) элементов Хаоса и формировании

порядка (Космоса), что убедительно доказывает поразительная глубина выстраивания системных оппозиций, сохранившаяся до сих пор в традициях индейцев. Ныне широко отмечаются как радикальные тренды изменений самого человека с сопутствующей сменой традиционных базовых представлений и постоянной практикой создания и развития конструктивных представлений, включающих очевидные тренды, направленные на «самоуход» (практики трансгрессии и пограничного, вплоть до суицидального экспериментирования над собой при одновременном распаде эффективных социальных институтов, поддерживающих пребывание человека в социальной среде (семья, брак, мораль, право, образование, культура и пр.). Что касается самого человека, Г.С. Шевяков утверждает: «Нет человека как высшего существа природы, как живого существа, придатком или одной из особенностей которого является разум. Есть следующее после биологического качественное образование материи в своей пока еще естественной оболочке. Которое вырастает в этой оболочке, неся на себе ее печать, олицетворяет себя с нею, в немалой степени подчиняется ей и ей служит, ибо без нее существовать не может» [12, С. 233].

Философ С. Франк писал, что в описании природных условий планеты и людей в слагающейся общности языка, нравов, искусства превращается в таинственное, (духовно-кровное) единение, возникает особая географическая культура. Культура же выводит человека из индивидуального к общественному, где «ввинчивается» то, что глубокая и существующая вера в истину убеждала, что каждый из нас выполняет свою задачу в сотворенном собой мире. П. Черносвитов, применительно к культуре уверен в аналогичности протекания культурных процессов, но сомневается, что такое обновление происходит в сознании. Скорее он полагает, что «артефакты культуры – это, в принятом нами смысле, не новая информация, а результат тиражирования информации, уже существующей в сознании или подсознании их создателей. Зато многие такие объекты уникальны и неповторимы. И если исчезают не только они сами, но и их творцы, то можно считать, что заключенная в них информация погибает безвозвратно. То же относится и к информации, составляющей *личный* опыт столь сложного существа, как человек: он также уникален и неповторим» [13, С. 8]. Это также то, что в науке называется антропогенным воздействием на природу, ведь воздействие человека на природу имеет свои ограничения, из которых нам наиболее близки те, в которых мы понимаем угрозу своему комфортному проживанию и безопасной жизнедеятельности.

Этнос как категория социального все больше теряет свою былую роль социального концентратора и интегратора общественных представлений о человеке. Культура – это тот специфический мир, который человек создает, чтобы поддерживать себя в своем искусственном, в том что и называется собственно «человеческим» состоянием. В истории возникновения и развития человеческого разума и основных его категорий важное место занимает период мифологического мышления, при его высокой степени отражения реалий доисторического и начала исторического времени. В культуре во множестве отображений имеются многие доказательства о том, что «человек» появился на планете Земля с неким условием, точнее обязательной функцией, предопределенной Абсолютом, Космосом, Богом и иной («верхней инстанцией») для «вечного» процесса взаимодействия с «Пространством». Суть же нашей общей, и для каждого своей персональной «космической задачи» составляет то, что в проекции пространства – нашей среды жизнедеятельности или географически на конкретном участке территории Земли, каждый этнос (или народ в других координатах измерения) обеспечивает относительно гармоничное поддержание конкретного пространства через свою жизнедеятельность и различно от других участков земной поверхности.

Столь же неслучайно следует отметить, что в современных условиях все большее распространение получает профессиональная версия о том, что антропология как основная наука, отвечающая за исследование человека и человечества, скорее представляет собой размытую и объединенную лишь активным интересом широкого круга исследователей область научного и «околонаучного» знания, хаотичного набора многих тем гуманитарного и естественнонаучного толка, географических и инженерных сведений, элементов культуры, религии, философии, мистики и эзотерики, чем строго обоснованную и однозначную науку. Тогда становится вполне объяснимо, что если качество и объем персонального непрерывно растет в интеграции с социальным во всех его формах и моделях реализации, то значимость этнического стремительно теряется, размываясь в неумолимости современных общественных тенденций. В контексте одного из ответов на фундаментальный вопрос о позиции антропологического изучения человека я хочу «высветить» вариант ответа на вопрошание о смысложизненной миссии человека на планете Земля.

Результат социальной деятельности составляет материальную культуру, установки и нормативы как «вести» пространство составляет духовную культуру – то, что распознается как традиции, обычаи, ритуалы и

пр. Представляется, что особое значение получает сакральный и мистический аспекты кодированного выражения, воплощаемые в этнических ритуалах, традициях, верованиях, архетипах и многих других сторонах человеческого бытия, описание и сравнение которых занимает важнейшее место в антропологии, этнологии, этнографии, культурной географии и этнической экологии, но остается «невычерпанным», и самое главное, неосмысленным в том настоящем масштабе представления глубины взаимодействия человека и природы. По этой причине «...мыслящие существа могут изменять свои взаимоотношения с окружающей их средой в желательном для себя направлении лишь в ограниченных пределах» [5, С. 103]. Мифопоэтическое восприятие было господствующим в архаичной и античных культурах, вытеснялось в Средневековье, все меньше становясь менее доступным человеку современной технологичной цивилизации.

В сакральном смысле культура — это культ, почитание, поклонение. Существуют внутренние, глубинные основы культуры, те, что нельзя перевести в стереотипы, нормы и штампы, именно они проявляют ее суть. Более того, сам концепт «культура» содержит в себе различные грани смыслов. Природа для древних греков была другой потому, что иначе была устроена их социальная жизнь. Взаимоотношения эти были отражены в их мифологии, где как естественная действительность воспринимались боги, демоны, герои. Вместе с тем, Аристотель убедительно показывает сохраняющуюся связь с качественным восприятием мира древности: все вещи определяются телеологической целью, имманентно в ней заключаемой. Но еще из положений натурфилософии можно понять, что культура представляет собой не только совокупность устойчивых форм человеческой деятельности, культура – это также набор кодов, предписывающий человеку определенное поведение, оказывающий на него «удерживающее», управленческое воздействие в сохранении человеческой главной функции сохранения «биосферных» или «экосистемных» сервисов планеты в рамках естественно функционирующих ландшафтов.

Этнос – это объединение людей, лежащее на границе природы и общества, это жизнь людей в конкретных природных условиях, определяющих физиономическую специфику этноса, предметно раскрываемую социальными, культурными, экологическими законами существующей жизни. Наиболее широко была раскрыта концепция соосности развития природы, в понятии биосферы и этногенеза была разработана географом Л.Н. Гумилевым, но до сих пор таковая зачастую является объектом критики, и нередко отбрасывается как ненаучная. Но в

сопоставлении данных понятий нельзя опираться на линейную логику и иерархичность, ведь по своей сути, их многоуровневость и многозначие смыслов, как иногда пересекающиеся, и частично перекрывающиеся, данные категорийные семантические структуры не являются строго соподчиненными по своей сути, а лишь является проекциями и результатом человеческого познавательного стремления упорядочивать и классифицировать сущее. В основе этноса и всего этнического существовал коллективный договор, обуславливающий присутствие этноса, зашифрованный в символах, традициях, мифах, и зашифрованный в некоем вписанном и существующем в каждом из нас этническом коде (этнокоде).

А что же следует понимать под термином «код»? Научное обращение к понятию «код», уточнение или напротив широкое терминологическое раскрытие, позволяет многосторонне и многозначно показывать дихотомию природного (биологического) и культурного в «расшифровке» множественных характеристик жизнедеятельности человека. Как и геном, этнический код «встроен» и сосуществует с многими хорошо известными чертами человека – неким сложнейшим комплексным психоперсональным полем, результатом, которых являются наши проекции реальности [14]. Кроме индивидуальных, существуют и сосуществуют народы, государства, этносы, каждый из которых имеет свою «почву». Так каждый народ несет свою функцию создания и поддержания конкретного пространства – в пределах своей территории, которая становится такой на предопределенный период. Так занимаясь своей обычной деятельностью и сохраняя персональную жизнедеятельность, мы меняем окружающую природную среду. Именно эти процессы естественной жизнедеятельности, в которых мы отдаем и получаем, обеспечивают тот баланс, в котором каждый из нас отдает другим (в т.ч. и Вселенной) нужные где-то «кванты эмоций», душевной сопричастности, желаний и страстей, и безошибочно получает из пространства то, что ему требуется.

Мне видится, что ныне есть возможность нового «прикосновения» к тому невообразимо сложному информационному хранилищу Вселенной. Способом человеческого существования выступает понимание. В психологии хорошо известно, что только для личности можно отметить, обладание уникальной свободы выбора, что может быть рассмотрено не только в социальном, но и в мировоззренческо-хранительском плане. Информация записана в каждой клетке, вероятно в наноформатах, поскольку даже если взять атомарный уровень, можно «встречаться» с целыми блоками информации жизненных событий, травм, сильных переживаний человека. И в

транссовых состояниях, используя широко распространенные трансперсональные, медитативные и гипнотические техники, возможно «считывание» этой информации с одновременным возможным удалением-разрушением ее на прежде записанных клетках человека. Такое взаимодействие нами осмысливается как то, что происходит в конкретной проекции пространства – на определенной территории Земли, мы чаще предпочитаем жить в условиях линейного времени, но способны при необходимости и по желанию оперировать нелинейным временем, и самый типичный пример этого – наши воспоминания.

Древний человек жил в этом мире населенном многими враждебными человеку природными силами и опасностями, но при этом его способность к управлению пространством была удивительной. Только тогда возникают те глубины человеческого, пробуждается дух, в котором вновь выправляется встроенная исходная матрица бытия. Л. Леви-Брюль, рассуждая о так называемом «первобытном мышлении» писал: «реальность, среди которой живут и действуют первобытные люди, сама является мистической. Ни одно существо, ни один предмет, ни одно явление природы не являются в коллективных представлениях первобытных людей тем, чем они кажутся нам» [16, С. 130]. Как прирост нового появляется «расширение» психологического поля восприятия человека, получение нового опыта при отказе от устаревших паттернов и схем реагирования, что используется практически во всех форматах психотехник. В своих «человековозможных» аналогиях я представляю это как должно произойти, если мы признаем, что в каждого из нас встроен этнический код, есть общечеловеческий этном, а генетике и медицине позволено пока прикоснуться к самому очевидному – гену, но не «эну». Поэтому и существует предельное время существования этноса, и наш великий соотечественник – географ и этнолог Л.Н. Гумилев показал в своей оригинальной теории этногенеза о множестве примеров сосуществования этноса в биосфере.

Также очевидно, что ощущение «пространственности» невидимо, неосязаемо и непознаваемо, но оно встроено в человеке, поэтому в отношении любого взаимодействия возникает определенная система пространственных отношений сосуществования и совместности, т.е. пространственная структура. В отличие от естественного пространства природы таким образом человечество создает искусственное окультуренное пространство, законы которого определяются геометрическими канонами архитектуры, где через степень и характер формализации материальной деятельности человека реализуется эволюция человека в рамках

существования и эволюции земной цивилизации. Хайдеггер человеческое присутствие на планете обозначал как «присутствие» (Dasein), пребыванием при сути, при бытии. Он описывает человеческое существование как наличное бытие, заброшенное в чуждый и враждебный ему мир [15]. Полагаем, что на этой принципиальной основе формировался и меняется социальный порядок, который может быть представлен территорией как проекцией пространственно-временного континуума, являющейся результатом действия кодовой схемы эволюции всех «рангов» социально-структурных образований, верифицируемых неполным перечнем: государство, нация, народ, этнос, племя, род, семья.

Язык мифа являлся активным репрезентантом культуры, поэтому мифологическую картину мира можно рассматривать в качестве своеобразной модели языка культуры. А.Ф. Лосев писал: «Нужно быть до последней степени близоруким в науке, даже просто слепым, чтобы не заметить, что миф есть (для мифологического сознания, конечно) наивысшая по своей степени конкретности, максимально интенсивная и в величайшей степени напряженная реальность. Это не выдумка, но *наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это – совершенно необходимая категория мысли и жизни*, далекая от всякой случайности и произвола» [17, С. 24]. Юрий Лотман, ориентируясь на семиотическое распознавание смыслов, утверждает, что картина мира выстраивается на основе определенной пространственной модели организации ее структуры на всех уровнях, и такое видение является универсальным культурным аспектом восприятия человека и формирования культурного ландшафта [18]. Важнейшее свойство пространства — объективность, география на первом этапе своего научного развития в рамках хорологической парадигмы решала фундаментальные задачи пространственного анализа компонент оболочки Земли на основе сравнительно-описательного метода. Очевидно, что географические образы есть не что иное, как особый язык – язык пространственной культуры, которая как бы модифицирует сама себя в зависимости от места, страны или региона. Но не культура человека для человека как такового предназначалась, а лишь для человека, который является хранителем пространства.

Юрий Лотман, ориентируясь на семиотическое распознавание смыслов, утверждает, что картина мира выстраивается на основе определенной пространственной модели организации ее структуры на всех уровнях, и такое видение является универсальным культурным аспектом восприятия человека и формирования культурного ландшафта [20]. Но не

культура человека для человека как такового предназначалась, а лишь для человека, который является хранителем пространства. Обязательная ограничительная вводная этой космологической установки такова: если большинство людей, составляющих этнос, не справляются с поставленной задачей, о чем свидетельствует состояние окружающей среды, то этнос (народ) – исчезает. Но символично это можно показать как приближение к дверям той «булгаковской» безразмерной «квартиры»². На табличке двери комнаты которой написано «Человек», содержащий весь архив человечества – его прошлое, настоящее и будущее. В шкафах и на стеллажах миллиарды папок, для каждого из тех, кто жил, живет и будет жить на этой планете. Что ж, ныне лишь требуется кропотливый труд и тщание архивариусов, и гуманитарная расшифровка всего имеющегося.

Код – это зашифрованная последовательность, программа осуществления, базовая схема и указания для развития процессов и осуществления функций во Вселенной. Признак этого у каждого человека – есть всегда некое эталонное географическое место, и этот этнокод, нам дает знать о том в какой способности (для отдельного человека, и в конкретное время) мы можем быть эффективными, приносить пользу своему этносу и своей Родине. Здесь «считается» «малая Родина» – место, где мы родились, часто, где выросли, и та большая страна, где мы жили или живем, что касается этнического отклика таковой все больше слабеет, у нас представителей уже в основном крупных метаэтносов. Хорошо известно, что в методологическом поле зрения географии всегда оказываются результаты взаимодействия таких разнокачественных систем как природа и общество, или по-иному, эта наука занята выявлением корреляционных связей – как основным предметом географических исследований [19]. В отношении природной составляющей, географический ландшафт понимается как генетически единая трехмерная материальная система, включающая в себя разнородные элементы географической оболочки и биосферы Земли, которые, взаимодействуя, получают определенное, системное выражение и на земной поверхности.

Достаточно очевидно, что можно найти много подтверждений этому, изучая историю и культуру народов, в то же время подчеркнем, что известен и принципиальный момент – существует предельное время существования этноса. Смысл этой принадлежности составляет то, что пространственно-временной континуум отображается в их проекции – территории Земли, что

---

² Прообразом человеческого восприятия может быть представление Михаила Булгакова как он видел "нехорошую квартиру" под номером 50 в Москве на ул. Садовой 302-бис.

является одной из основных объектов изучения географии. Но не существует мира без человека, без его экзистенции, которая несет и сохраняет структуру пространства, что характерно с доисторических времен, но терялось по мере роста «цивилизованности». В этнологическом отношении, как было и успешно развивается в биологии, следует – найти и разобрать из чего и как складывается этот скрытый алгоритм процессуальности, этнокод, во множестве присутствующий в конкретных примерах, во всех регионах мира, в культурных и мистических практиках, в религиях. Как вычленить нужное и соединить в целостное?

Пространство – время невероятно конвергентно по своей природе, поскольку оно содержит в себе, и порождает сознание. Политика этнического управления пространством была изначально predeterminedена и сохраняла все специальные нормативы и регуляторы «безопасного» и необходимого способа существования доминирующего этноса в пределах «своей» территории, но лишь до определенного времени. В пределах территории «данной» конкретному этносу формировался особый порядок, который может быть представлен как проекция устройства и поддержания пространственно-временного континуума, что и predeterminedено особой кодовой принадлежностью человека, в идентичность которого могут быть «развернуты» социальные проекции многих социальных образований, верифицируемых как государство, нация, народ, этнос, племя, род, семья, но не имеющих строгой иерархичности и линейных зависимостей. Это и есть то изобретение того человека, что провозглашается «вершиной эволюции», но не того, что оставался хранителем судьбы, имеющим «ограниченные права» на преобразование планеты, трансформацию природной среды без оглядки на масштабы происходящего.

Смысл этой принадлежности составляет то, что пространственно-временной континуум отображается в её проекции – территории Земли, что является одной из основных объектов изучения географии. Но для познания специфики человека приходится обращаться к сочетанию почти несочетаемого – нужны естественнонаучные знания о микро- и макром мире наряду с не менее широким спектром общественных представлений. Человеческая экзистенция, будучи частью бытия, воплощает в своем устройстве (структуре) предэтнологическое понимание мира, в котором она также открывает и себя. Особенно важно обратить внимание на то, что в отличие от убеждения возникло в том, что сознание в социальной среде как инструмент ориентации индивида в пространстве социума. Тогда в пространстве «доступных ему видов деятельности» [21], следует выделить

как принципиальную неточность понимания. Именно в этом свете, фундаментально могут поменяться и сложиться в единую картинку миллионы фрагментов, которые сейчас известны в этнографии, антропологии, культурологии. И одновременно, следует «перебросить» следующий мостик для новой коренной смены антропологических представлений, что приводит нас к периоду античности, и еще ранее.

При отсутствии деления на объективную и субъективную реальность у древних людей, просто не возникала необходимость передачи этих умений другому, «древний социум» совсем не так решал ориентационные задачи, поскольку каждый из людей того времени обладал «встроенными» способностями индивидуального создания и управления пространством и временем. С естественнонаучных позиций можно также объяснить распад этносов законами термодинамики, и в частности накоплением энтропии. Причем практики-психологи хорошо знают, что среди представителей рода (а это – ячейка) со временем во все большем объеме накапливается и действует на род масса критических «системных ошибок», вплоть до исчезновения рода, племени, этноса. Этноты непосредственно и тесно связаны с природой через территорию, в пределах которой ведут свою хозяйственную деятельность, и эта связь сложившихся этносов с вмещающими их ландшафтами проявляются в приспособлении этнического коллектива и его хозяйственной деятельности к определенным условиям.

Тема эта еще в большей степени проясняется В.М. Хачатурян, обращающей внимание на дрящущийся и в современности «диалог с архаикой». Автор указывает, что она использует понятия «архаизм» и «архаизация» в их точном значении, обозначающем «сознательное обращение к доцивилизационным пластам культуры и доцивилизационным социальным структурам или стихийную активизацию этих элементов в культурном сознании обществ цивилизации» [22, С. 48]. Важна периодизация архаизации, которая, по мнению автора, относится к рубежу XIX-XX вв., что свидетельствует о культурном кризисе и переходном периоде. В нашем понимании, это является «культурным откликом» на критический уровень изменений, связанных с потерей прежнего фокуса этнического кода. Здесь абсолютно верно, применительно к культуре является то, что массовое сознание отражает коллективный феномен активного обращения к доцивилизационному опыту. И далее со ссылкой на А. Пелипенко можно отметить: «... культура достигает качественно иной фазы отрыва от природных оснований и замыкания в себе», разрушая ментальные структуры архаического человека, у которого «виталистической основой бытия

выступали еще природные стихии, канализируемые в культурные формы активности посредством ритуала и партисипации к роду» [11].

Николай Бердяев писал, что человек и космос связаны между собой даже судьбой, то есть судьба человека напрямую зависит от судьбы природы, космоса, он не может отделить себя от них, но при этом должен быть ответственным за весь строй природы, за то, что в нем совершается. Только лишь человек может преобразить космос в «новое небо» и «новую землю» [23]. Природа человека, его предназначение, специфика пребывания в разные эпохи, как и величайшая загадка самого появления на планете, всегда дает основание на то, что такие знания будут всегда в «дефиците». Познание сущности человека всегда привлекало, и никогда не перестанет привлекать самого человека. Для доказательства достаточно обратиться к философской концепции ноосферы великого французского философа Пьера Тейяр де Шардена. Именно данное учение представляет возможность обратиться к одному из глубоких подходов, позволяющих показать одну из идей, объясняющих суть космической предначеченности человека как одну из составляющих элементов этнокода.

Пьер де Шарден убеждает, что не творение искусств, материальное или иное достижение желаемого имеют самое большое значение для коренных интересов жизни. Нет, только лишь создание каждым из нас в себе абсолютно оригинального центра, в котором универсум сознает себя уникальным, неподражаемым образом. Сам фокус нашего сознания – вот то существенное, что должна вернуть себе Омега. Чтобы передать себя, мое «я» должно продолжить существовать в том, что оно отдает, иначе дар исчезнет [24, С. 308-309]. Обращаясь к тезису, что мысль человека может экстраполироваться лишь в условиях возникновения «сверхмышления» с достижением его максимума в «точке Омеги». Безличное является альфой и омегой мира: «существует лишь одна реальность, способная преуспеть в этом и обнять одновременно и это бесконечное малое, и это бесконечно громадное – энергия, подвижная универсальная сущность, откуда все возникает и куда все возвращается, как в океан» [24, С. 304].

Его убеждение незыблемо предстает в том, что человек является осью и вершиной эволюции в мире, который «свертывается». Согласно авторской позиции, человек, по крайней мере, с середины прошлого века, находится в противоположности ментальности «первобытных» людей, олицетворяющим или обожествляющим все стороны и силы природы. Шаг за шагом показывая структуру, системность и сложность Универсума взаимодействующего с все более растущим человеческим сознанием,

замкнутым в ограниченных пределах пространства планеты, философ убеждает «...сосредоточиться на себе, быть в состоянии сказать «я» – это в конечном счете рассматривается нами как привилегия... Двигаясь в обратном направлении, к коллективу и универсуму, то есть к тому, что наиболее реально и прочно в мире, «Его», думается наше идет на убыль и аккумулируется» [24, С. 304]. Следовательно, выяснял Пьер Шарден, по структуре, ноосфера и вообще мир представляют собой совокупность, не только замкнутую, но и имеющую центр.

Он возводит «сверхличность» как Универсум будущего, поскольку в перспективах ноогенеза время и пространство «сверхчеловечивается» через растущее «количество сознания». «Любовь – это след Универсума, близость – космическое чувство, и чтобы любить друг друга необходимо сосуществовать. И это условие жизни человека, его применимость». О наличии этнического предначертания убеждают рассуждения философа о том, что начиная с крупинки мысли, составляющих настоящее и неразрушимые атомы его ткани, универсум, вполне определенный по своей равнодействующей, воздвигается над нашими головами в направлении, обратном исчезающей материи как универсум – собиратель и хранитель не механической энергии, как мы полагаем, а личностей [24, С. 324]. Он полагал в этой связи, что человечество располагает для этого огромными возможностями и достаточным временем для организации новой неизвестной величины «ноосферной мощности» [24, С. 342]. «Громадными будут силы, высвобождающиеся в человечестве внутренним действием его сплочения» [24, С. 346]. Просматривается вполне конкретная «прогрессорская» логика философа, верящего в возможности управления и организации природы, в величие науки, разумное распределение ресурсов земного шара, воплощенных в географическом видении конкретных дисциплин – геоэкономике, геополитике, геодемографии, что обеспечивается за счет человеческой энергетике.

В современном гуманитарном знании термин «цивилизация» является одним из наиболее популярных, имеющий в этой связи исключительную многозначность и обеспечивающий передачу огромного разнообразия процессов, характеристик, функций и аспектов многих сторон и смыслов социальной картины мира. Во взглядах писателя отчетливо прослеживается вера в «лучшее будущее» человечества и самого человека, что обосновывается тем, что в течение громадных периодов, в ходе эволюции, радиальное, скрыто побуждаемое действием, *находящееся впереди перводвигателя*, может выражаться лишь в расщепленных группировках, в

животном сознании. На этой стадии ядра, едва образовавшись, распались из-за отсутствия возможности зацепиться за вышележащую опору, степень простоты которой превосходила их простоту [24, С. 323]. В эпоху зарождения культуры только образ окружающей человека природы формировал его душу. Но лишь пространство, как основа жизненной среды для всего существующего на Земле, есть матрица развития любого индивидуального или социального организма. Подъем к этой коллективной ступени мышления основывается на том, что жизнь является «универсальной функцией космического разряда».

Рефлексия человека является «порогом» или признаком изменения состояния. И «чем больше человечество технически организует свое множество», тем больше параллельно возрастает психическая напряженность, осознание времени и пространства, вкус и способности к открытиям. Через социализацию человека, специфическое действие которой состоит в сосредоточении на себе всего пучка мыслящих пленок и волокон Земли, предопределяет ход сама ось космического вихря интериоризации [24, С. 357]. Так завершаются рассуждения великого француза в контексте раскрытия тайн ткани универсума. Если проследить как можно дальше по направлению к истокам, откуда тянутся волокна человеческого состава, то мы увидим, что последние из них сливаются с самой тканью универсума [24, С. 17]. Но опыт обращения к архаике, который относит В. Хачатурян к периоду древнему Египта (VII-VI вв. до н.э.), вполне убедительно выстроена доказательная характеристика того, что у египтян имелось причудливое сочетание «первобытности» с сложными и развитым цивилизационным мировоззрением, с общим выводом, что культура того времени не вышла за пределы мифопоэтического сознания, магических практик и ритуалов.

Здесь я склонен согласиться с выводом, но не с причинностью того, что в основе были собственные противоречия множественных форм культуры с другими более поздними ее проявлениями, более «однородными» культурными слоями, что убедительно отмечается в античности, и тем более в становлении и экспансии христианства. Действительно, в актуализации обращения к архаике, вполне логичным является авторское пояснение того, что «...нарастание хаоса в кризисные, переходные эпохи все чаще рассматривается как двойственный процесс: переходные эпохи сопровождаются взрывом творческой энергии, освобожденной от нормативов доминирующей культуры; ломка картины мира и ценностных ориентаций способствует активному усвоению элементов «чужих» культур».

Мир вещей и мир идей имеет самое непосредственное отношение к имманентным потребностям и проявленным желаниям человека как составляющим социальной жизни, и как обязанности взаимодействия с окружающей его средой и природой. Уже тогда в социуме обозначилось различие структурного (причинные связи элементов структуры) и субъектно-действенного детерминизма (учёт различных агентов действия), анализируются не только причинный, но и стохастический, и изостатический аспекты. Здесь вполне очевидна потребность различать и классифицировать и иные социальные объединения – нации, классы, государства, народы, или как более «вписанные» в материальное планеты, предстают биологические группы – популяция, раса, народность, племя, род, семья. Большое значение придается в этом подходе проблемам распределения ресурсов в условиях их недостатка, проблемам передела власти, но особенно геополитическим и геоэкономическим проектам. Тогда несомненно, глобализация – это новый формат освоения планеты, и в своей крайне реакционной форме таковой приобретает формат неокOLONиализма.

Научное «проецирование» среды обитания человека как в географии, так и в экономике, проявляется в форме выделения городов, городских агломераций, мегалополисов, социально-экономических узлов и центров, территориально-производственных комплексов и др. В истории же каждого этноса можно найти конкретные свидетельства существенного влияния на него географической среды и тех способов адаптации и оптимизации своей жизнедеятельности, которые имеют нередко яркую специфику, закрепляются в традиционном образе жизни, обычаях, верованиях, культуре. Именно с этих позиций, глобализация не является абсолютно новым, характерным лишь для текущего периода (человечество всегда использовало земные ресурсы себе на пользу), но здесь следует подчеркнуть, что сам теперешний феномен глобализации состоит в коренном изменении «пространственных» или «космических договоренностей» человечества с окружающей нас природной средой, что не дает возможности обеспечить даже слабый уровень предсказуемости последствий изменения самого человека, всех социальных общностей и среды жизнедеятельности человечества.

Особенность географии состоит в том, что ее методами исследуются «неточечные» (выражение Ю.Н. Гладкого) объекты, следовательно, «важнейшая задача современной географии: исследовать с возможной полнотой механизм взаимодействия природы и общества, объективно и всесторонне оценить экологическую обстановку в мире, наметить пути улучшения использования природных ресурсов, запасы которых стали

катастрофически сокращаться». Н.К. Мукитанов пишет: «теория общественной географии должна исследовать социальную функцию географической среды, приобретаемую ею в результате ее включения в практическую деятельность общества», из цитаты следует вполне очевидно, что составляющие процесса глобализации предусматривают целостность, взаимосвязанность и взаимообусловленность мира, в то время как противоположный вектор регионализации многообразно «делит» мир, создавая барьеры между странами и народами.

Территория – это благо, обеспечивающее национальную, этническую и государственную целостность, жизнеспособность населения, и определяющая обязанность для социума, в целом, и каждого к нему принадлежащего, в различиях степеней и уровней идентичности. Экологическое пространство, по натуралистической модели, существует во множестве отображений, наиболее полно и всесторонне передаваемых положениям экософии и глубинной экологии. Современные социально-экономические теории (С.Ю. Глазьев, С.И. Григорьев) включают в свой научный оборот темы о фундаментальности значения взаимодействия жизненных сил человека и жизненного пространства его бытия. И наши предельные формы общности такие как цивилизация и прочие. Их жизнеспособность предопределена только этим, что в очень существенной степени поколеблено глобализационным процессом последних десятилетий.

Более того, добавим здесь: «когнитивная доминанта» с ее опорой и верой на успехи междисциплинарной науки о мозге, теоретически и методологически ограничивает необходимый исследовательский спектр, оставляя необъятный и невозможный мир бессознательного «за бортом» флотилии науки. В свое время академик В. Алексеев ввел в науку понятие «коллективный мозг», подразумевая объем знаний о мире, передаваемый из поколения в поколение и пополняемый каждым поколением, причем не только знаний, добытых и берегаемых разумом (широко известная метафора коллективного разума), но и тех вербализуемых поэтами истин бессознательного. Известный этнограф находит параллели у современных коренных малочисленных народов (КМН) – охотников и собирателей, и приводит свой опыт поразительного общения с эскимосами и ненцами и хантами, способными видеть в неживых предметах (утесах, скальных выступах, холмах) облик живых существ, выделяя особые умения картографирования окружающей природной среды. Именно в такой ситуации, под натиском цивилизационных перемен «смысложизненное» пространство КМН схлопывается, за реальной потерей их территории и

утраты образа жизни, особой культуры, последует «космическое наказание» – целые народы перестают существовать. Ассимилируются, растворяются, становятся частью другого, как правило, более крупного, метаэтноса.

Таких примеров можно привести множество – айны, кеты, ульчи и др. Это у нас в России, а вот американские индейцы показали еще нагляднее, что происходит с народом, потерявшим свои земли. Сейчас можно видеть насколько они «бессильны» в своих резервациях. Там этносы были наказаны за утерю управления территории и многие исчезли совсем, какие-то еще существуют лишь номинально, хотя их этнокод еще действует! В истории расселения, в традициях пространственного взаимодействия КМН со «своей» территорией, в топонимах, в обычаях, верованиях, фольклоре, материальной культуре существует множество доказательств именно специфичности «означивания» той территории, где живет этот народ. И они последние, кто несет это в себе, но исчезает также вместе с ними, тот прежний этнический код непосредственной связи с пространством планеты. Ныне ООН возрождена как идея и миссия Человечества, появившаяся в XX веке концепция Геи, ныне вновь подтвержденная к стремлению достижения новой общемировой гармоничности на самом высоком уровне³.

Итак, если Земля – это огромный организм, а человечество – хранитель его! То коренные малочисленные народы в современном обществе представляют «последние» этносы, сохраняющие свои «пространственные договоренности» с Космосом, заключенные по «старым» правилам. Эти этносы ведут традиционное хозяйство на базе возобновимых естественных ресурсов (охота, собирательство, оленеводство, рыбный и морской промысел), что, естественно, требует обширных площадей, находящихся практически в естественном или слабо антропогенезированном состоянии. Будет вполне очевидным предположение, что у каждого представителя этноса, конкретного КМН пока еще сохраняется, стирается неуклонно цивилизацией, но еще «прописана» идентификационная метка, как и существует «географическая отсылка» к территории, к конкретным условиям, где традиционное существование возможно лишь на весьма ограниченных условиях. Но мы имеем еще один вариант альтернативных стратегий взаимодействия представителей человечества с пространством, очень различающихся в гендерном аспекте.

Авторская логика А. Пелипенко приводит к убеждению, что причиной расслоения «верхнепалеолитического синкрезиса» послужила

---

³См. подробнее материалы Саммита ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро, 2012, http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/CONF.216/16&Lang=R дата обращения 12.08.17

гендерная проблема или «капитальное» изменение социальной ситуации, в «корне» которой отмечается ранее не проявленные следствия резкой разницы между полами у сапиенсов, или явлении полового диморфизма. Еще более необходимо воспринять, что рождение двух альтернативных эволюционно-цивилизационных линий культурогенеза, а именно, его «женской» специфики, в конечном итоге предопределившей формирование и развитие на Переднем Востоке, отчасти в Средиземноморье оседлых земледельческих племен неолита (X-VIII-V тысячелетия до н.э.), и таких более поздних развитий древней Индии. В ведических положениях также утверждается о неперенной циклической, великой войне, в которой побеждает и доминирует мужская экспансия, особенно заметная в последние пять столетий. «Мужская» линия реализовала принцип кочевого (и полукочевого) образа жизни (номадов) с преобладанием скотоводческих, и со временем, все более значимых военных занятий. И если в культурном отношении «извечность» непрекращающейся до сих пор «войны полов» освещены с многих позиций, как и охарактеризованный во многих тысячах работ «раскол» мифоритуальных практик, длящаяся с тех пор фундаментальность различий женских и мужских занятий, то осталось без внимания возможность предположения, что это опять же культурное следует за естественным.

Цели развития тысячелетия (MDGaims) и подтвержденная пять лет назад, на последнем Саммите по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро парадигма устойчивого развития продолжают быть основной международной программой развития человечества. Но человеческий род теряет важнейшую этническую функцию управления пространством в процессе глобализационных перемен. Считаем пока еще возможно, обращаясь к КМН реалистично найти секрет этнокода, ведь для многих из нас, кто живет в городах и цивилизациях, уже нет той жизненно необходимой практики управления «космическим пространством». Таковое мы заменили на виртуальное! Ноосферная парадигма, и ее практическая реализация в формате концепции устойчивого развития доказывают то, что в глобальном видении будущего человечества «высвечивается» примат благополучия социального при лишь попытках сохранения природы как благоприятной среды жизнедеятельности человека. Фундаментальное доказательство этого очередного слома прежнего «этнического кода», мы находим в коренном переосмыслении всего сущего, и важно, что данная рефлексия поддерживается до настоящего периода.

Обратимся к концепту «о-СВО-ение». Освоение как бытийный термин представляется понятным и очевидным, когда полагают, что речь

идет о превращении чего-либо в «свое». Но в термин «освоение» следует вкладывать более широкий аксиологический смысл, связанный с взаимоотношениями человека и социума с миром и космосом не только в эстетическом аспекте. Когда речь идет об отдельном человеке и его освоении мира, то имеется в виду человек как представитель социума, осваивающий, очеловечивающий природу. Но в истории также нередко происходило освоение территории за счет «стирания» арены жизнедеятельности других народов. В подтверждении такого «стирания» этносов с их территориями можно привести замечания составителей энциклопедий, которые были составлены еще в конце XIX века. «... в большинстве случаев при колонизация и происходит *столкновение выходцев из культурных стран с некультурными туземцами*. И из многих этносов, кто еще пока существует на прежних «космических договоренностях», но уже стремительно исчезает по мере того как «теряют» свою территорию вместе с традиционной жизнедеятельностью – это коренные малочисленные народы (КМН).

К описанию исключительной противоречивости и смешения современности и прошлого, к обязательности российского северного идентификационного самоопределения и сохранения «северного социокультурного кода». И далее обращаясь к традиционной для антропологии теме формирования и противоборства противоречий, и специфике в разные периоды доминирующих цивилизаций и их базовых типов, сводимых к оседлости или номуадизму, авторское обращение происходит на «Север»! И как нашел Гибсон, пространство является категорией исключительно антропологического свойства, куда человек не увидит земли под ногами и неба над головой, пространства нет [25]. Итак, код – это зашифрованная последовательность, программа осуществления, базовая схема и указания для развития процессов и осуществления функций во Вселенной. Очевидно, что географические образы есть не что иное, как особый язык – язык пространственной культуры, которая как бы модифицирует сама себя в зависимости от места, страны или региона.

Историческая и культурная география полно и многообразно вовлечена в процесс декодирования смыслов этих взаимоотношений, ведь мир вещей и мир идей имеет самое непосредственное отношение к имманентным потребностям и проявленным желаниям человека как составляющим социальной жизни, и как обязанности взаимодействия с окружающей его средой и природой. Колонизаторские способности проявили греки, которым образованные ими колонии служили с одной стороны для поселения в них избыточного населения, а с другой — являлись средством

распространения греческой культуры. Римская империя, со своей стороны, пала жертвой мощного колониационного движения особого рода, известного под именем великого переселения народов. В новое время открытием Америки и Австралии и морского пути в Индию феномен организации колоний приобретает совершенно новый характер: европейским народам открылись почти беспредельные пространства новых земель для заселения. Это были сообщества граждан некоей страны в чужой стране, городе. И более того, в некоторых странах – исправительно-трудовые учреждения; места принудительной изоляции от общества. Но следует отметить, что колония такого рода предстает находящейся под властью иностранного государства, страны или территории, лишенная политической и экономической самостоятельности и управляемая на основе специального режима, устанавливаемого властью метрополии.

Можно согласиться с тем, что социум возник и существует как мир приспособления, как способ улучшения выживания человечества как вида, с сохранением телесности и биологичности отдельного человека, осознающего себя таковым с различной степенью ясности пребывания в географической реальности. По словам В. П. Тугаринова, «в основе освоения мира человечеством и отдельным индивидом лежит триединый акт: познание — оценка — практика». На начальных этапах истории эти стороны или формы освоения мира, поскольку все они направлены в конечном счете на удовлетворение нужд человека, достигаемого в практике, и поскольку познание и оценка были ограничены непосредственным удовлетворением этих потребностей, были включены в процесс практики. Т. А. Рунева рассматривает освоение как сущность деятельности, когда освоение есть осуществляемое в процессе универсальной человеческой деятельности трансформация природной и общественной необходимости в свободу, изменение законов объективной действительности — в законы человеческой деятельности, смены условий социального бытия человека в его собственную сущность.

Это должны быть и истоки того фундаментального подразделения на кочевников и «селян», что отмечено для феномена номадизма вплоть до настоящего времени, см. например, Андрея Головнева с его антропологией мобильности. Но как быть с до сих пор актуальным «западным» тезисом: «Нельзя признать ни естественным, ни справедливым», писал, например, Леруа-Болье, «чтобы цивилизованные народы Запада теснились и задыхались на узких пространствах, которые были их первоначальными обиталищами, и накапливали бы здесь чудеса науки, искусства, цивилизации, оставляя, быть

может, половину земного шара в распоряжении рассеянных на обширных пространствах маленьких групп людей невежественных, бессильных, похожих на беспомощных детей; или же в обладании дряхлых народностей, лишенных энергии, не имеющих организации, похожих на стариков, неспособных ни на какое усилие, ни на какую более или менее сложную и предусмотрительную деятельность» [26].

ЛИТЕРАТУРА

1. Знаков В.В. Постигание в понимании мира человека // Человек № 3, 2017. С. 33-47.
2. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.
3. Бочарников В.Н. Ценности в дикой природе современного человека – новый актуальный фокус междисциплинарных исследований // Астраханский вестник экологического образования, 2012, № 4, С. 56-68.
4. Бочарников В.Н. Географическое знание, природа и геэкономическое перекодирование человечества в эпоху глобализации // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2017 № 1. С. 59-84.
5. Аванесов С.С. Антропология сегодня: коррекция базовых ориентиров // Человек № 3. 2017. С. 5-32.
6. Келигов М.Ю. Homo Sapiens: преходящий феномен. М.: Академический Проект, Культура. 2012. 224 с.
7. Гладкий Ю.Н. Гуманитарная. География... 2010. С. 92.
8. Международный географический союз: агога 21 века. http://igu.org.ru/articles/buttimer_01.html дата обращения 10.09.2017
9. Туровский М.Б., Туровская С.В. Концепция В.И. Вернадского и перспективы эволюционной теории // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 90-92.
10. Тетушкин Е.Я. Гены забытых предков // Человек, № 1. 2017. С. 5-22.
11. Пелипеноко А.А. Эволюция: вектор и траектории. Статья 2. Женское и неженское лицо мифоритуальной системы // Человек, № 1. 2017. С. 23-36.
12. Шевяков Г.С. Человек и его судьба. Опыт непредвзятого исследования. М.: Айрис-Пресс. 2004. 272 с.
13. Черносветов П.Ю. Эволюция жизни как информационный процесс // Человек, № 3. 2006. С. 5-21.
14. Бочарников В.Н. Человек в реальности проекций. Владивосток, : Мор.гос. ун-т, 2011. 332 с.
15. Хайдеггер М. Бытие и время: Пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
16. Леви-Брюль М. Первобытное мышление // Психология мышления. Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 130-140.

17. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // В кн.: Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 21-186.
  18. Лотман Ю. О метаязыке типологических описаний культуры // Семиосфера. Петербург: Искусство. СПб. 2001. 650 с.
  19. Мукиданов Н.Г. От Страбона до наших дней. М.: «Мысль», 1985. 237 с.
  20. Лотман Ю. О метаязыке типологических описаний культуры // Семиосфера. Петербург: Искусство. СПб. 2001. 650 с.
  21. Велихов Е.П., Зинченко В.П., Лекторский В.А. Сознание: опыт междисциплинарного подхода // Вопросы философии. 1988. № 11. С. 3-30.
  22. Хачатурян В.М. Диалог с архаикой // Человек, № 3, 2006. С. 48-61.
  23. Бердяев Н.А. Проблема человека к построению христианской антропологии // <http://www.odinblago.ru/path/50/1> дата обращения 10.08.2017
  24. Тейяр де Шарден. Феномен человека. Наука; 1987. 239 с.
  25. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. Пер. с англ. Т.М. Сокольской. М.: Прогресс, 1988. 464 с.
  26. Зимичев А. М., Забарин А. В. Политическая толерантность: Восток – Запад // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2009. № 4. С.175-182.
-

V.N. Bocharnikov
Pacific Institute of Geography FEBRAS,
Vladivostok, Russia

ANTHROPOGENOGRAPHIC ARGUMENTS OF THE ETHNIC CODE OF HUMANITY

Culture emerged and developed as the main public tool for human interaction with nature. It is equally obvious that culture promotes the transfer from generation to generation of certain values and chosen beliefs. But human culture still forms a clear image of the landscape, and all the preserved human heritage is represented by its chosen objects, embodied and belonging necessarily to part of its landscape. The diversity of the results of human activity forms the cultural basis for the existence and evolution of the society, which became the basis for the search for geographical determinants of anthropogeography. The article substantiates the anthropological hypothesis of the existence of the ethnic code of mankind. The philosophical-anthropological and ethno-cultural aspects of the indicated problem are presented. We consider selectively philosophical categories, scientific arguments and speculative opinions, which testify that in the last centuries the «cosmic» function of mankind, which provides for the unique «operator» role of man in the formation of the space-time continuum, was critically violated. It is argued that the modern civilizational change of the guidelines for the development of human society, which is less and less connected with the intention of harmonious interaction between man and nature, is the principal reason for the complication of the global problems of mankind.

Keywords: nature, people, ethnic code, landscape, globalization, culture.

Поступила в редакцию 13 декабря 2017